DOI: 10.17976/jpps/2018.02.04

КОММЕМОРАЦИЯ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ(Й) 1917 года В РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОПЕРНИЧАЮЩИХ НАРРАТИВОВ

О.Ю. Малинова

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@gmail.com

Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. – Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37-56. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04

Исследование финансируется в рамках Программы "Научный фонд Национального исследовательского университета 'Высшая школа экономики' (НИУ ВШЭ)" в 2017-2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100", проект № 17-01-0034.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2017. Принята к печати: 27.12.2017

Аннотация. Статья посвящена коммеморации столетия революции(й) 1917 г. в России в контексте постсоветской политики памяти. На основе недавних выступлений политиков и публицистов проводится сравнительный анализ исторических нарративов (смысловых схем, в которые вписываются повествования о революции(ях) 1917 г.), развиваемых ключевыми мнемоническими акторами – властвующей элитой, КПРФ, "консерваторами", "либералами", Русской православной церковью и др. Сравнение нарративов производится по пяти основаниям: 1) основная идея повествования (как правило, связана с миссией / политической программой / идентичностью мнемонического актора); 2) сюжетная линия (сосредоточена на истории трагедии и травмы, пережитой Россией в XX веке); 3) элементы-события, между которыми выстраиваются перспективные связи; 4) основные действующие лица; 5) уроки, которые предлагается вынести из исторического опыта. Анализ соперничающих исторических нарративов позволяет сделать вывод о наличии фрагментированного и конфликтного режима памяти о событиях 1917 г. Сравнение результатов анализа нарративов и стратегий мнемонических акторов позволяет объяснить, почему, несмотря на очевидное расхождение мнений, коммеморация столетия революции(й) 1917 г. прошла "неконфликтно". Акторы, чьи стратегии соответствуют роли мнемонических борцов, либо не имели достаточных ресурсов для продвижения собственной интерпретации, либо частично разделяли установки властвующей элиты. Вместе с тем для последней было важно не столько утвердить собственную интерпретацию, сколько избежать "разжигания страстей". Отказавшись от официальной коммеморации и благодаря этому избежав прямой полемики с оппонентами, власть достигла своей цели.

Ключевые слова: столетие революции 1917 г. в России; мнемонические акторы; коммеморация; инфраструктура коллективной памяти; политика памяти; исторический нарратив.

На фоне множества общественных, культурных и научных мероприятий, которыми столетие русской революции 1917 г. было отмечено в разных странах мира, в России юбилей события, перевернувшего историю XX в., прошел удивительно тихо и незаметно. Никаких официальных политических мероприятий на

общегосударственном уровне не устраивалось. Лишь лидеры думских фракций ритуально "подвели итоги уроков революции 1917 г. в России"[1] на состоявшемся 7 ноября 2017 г. рабочем заседании Совета Государственной Думы – органа, ответственного за организационные решения нижней палаты парламента. Президент РФ Владимир Путин не выступал в этот день со специальной речью (хотя в течение года не раз затрагивал тему революции) и не участвовал в памятных ритуалах. Только коммунисты и иные левые партии и организации отметили столетие Октябрьской революции шествиями и митингами в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Разумеется, прошли научные конференции, были подготовлены музейные выставки, театральные спектакли, телевизионные программы и интернет-проекты, и в печатных СМИ в течение года появлялись статьи, посвященные теме революции. Однако дискуссии шли в сравнительно узком кругу; они не привлекли внимания широкой публики. В канун столетия едва ли не главным предметом общественных споров на исторические темы стал фильм режиссера Алексея Учителя "Матильда" о романе цесаревича Николая Александровича и балерины Мариинского театра Матильды Кшесинской, запрета на показ которого добивалась монархически настроенная и православная общественность. По данным базы "Интегрум", на протяжении полутора месяцев до и после юбилея количество материалов печатных и электронных СМИ о скандальном фильме немногим уступало числу публикаций, посвященных революции 1917 г. (см. табл. 1). По данным сервиса *Google Trends,* в тот же период по популярности поисковых запросов "Матильда" обгоняла Октябрьскую революцию в среднем на 24 пункта, а в отдельные дни разрыв доходил до 99 пунктов, и даже 7 ноября 2017 г. количество поисковых запросов о революции 1917 г. было на 2 пункта меньше, чем количество запросов о фильме[2].

Таблица 1 (Table 1)

Количество публикаций в печатных и электронных СМИ, посвященных революции 1917 г. и фильму "Матильда"*

*The Number of Publications in Print and Electronic Media, Dedicated to the Revolution of 1917 and the Film "Matilda"**

Тип изданий / Количество документов по запросу	"Революция 1917", в одном предложении	"Матильда"
Федеральная пресса (N 175)	459	304
Федеральные интернет-издания (N 26)	181	143
Региональная пресса (N 1044)	1302	963
Региональные интернет-издания (N 36)	19	39

*Результаты поиска в информационной базе "Интегрум", временной диапазон запроса: 1.10.17-15.11.17.

Конечно, по этим показателям нельзя судить обо всех сегментах российского общества. Социологические опросы фиксируют значительный разброс оценок революции. По результатам опроса, проведенного в октябре 2017 г. ВЦИОМ,

[1] Руководители фракций подвели итоги уроков революции 1917 года в России. – *Государственная Дума. Официальный сайт.* 7.11.2017. Доступ: http://www.duma.gov.ru/news/273/2125962/?sphrase_id=2800647 (проверено 25.01.2018).

[2] Доступ к результатам запроса: https://goo.gl/cgNJej (проверено 25.01.2018). Сервис позволяет определить уровень интереса к теме с учетом наиболее высокого показателя для определенного региона (в данном случае – Россия) и периода времени (с 1 октября по 15 ноября 2017 г.).

большинство респондентов оценивают последствия Октябрьской революции скорее положительно (38% респондентов согласились, что "она дала толчок социальному и экономическому развитию страны", 23% – что "она открыла новую эру в истории России"), однако при этом 13% опрошенных полагают, что "она стала для нашей страны катастрофой", а 14% – что она "затормозила социально-экономическое развитие", еще 12% затруднились с ответом[3]. Еще более существенные расхождения обнаружил опрос "Левада-Центра" в марте 2017 г.[4] Почему при таком разбросе мнений в канун столетнего юбилея тема революции не стала предметом острых споров? Можно предположить, что одной из причин недостатка общественного интереса к столетию революции была политика памяти, проводимая государством и другими мнемоническими акторами[5].

Как я попыталась показать в предыдущих статьях [Малинова 2017b; Малинова 2018], публичная коммеморация исторического события – это *политический* процесс. Его последствия для *коллективной памяти* как совокупности представлений о прошлом, разделяемых группой, определяются взаимодействиями мнемонических акторов, которые 1) преследуют определенные цели и так или иначе позиционируют себя относительно других акторов, 2) избирательно используют общий репертуар символических ресурсов, участвуя в его трансформации. В зависимости от контекста "вспоминаемое" событие может рассматриваться как повод для торжества и/или коллективной скорби. При этом установки мнемонических акторов на этот счет могут не совпадать. В случае успеха коммеморация исторического события становится *событием памяти,* т.е. "актом обращения к прошлому, изменяющим... устоявшиеся культурные значения" [Эткинд 2016: 28]. Исследование коммеморации требует сочетания анализа дискурсов и практик.

В этой статье я продолжу анализ коммеморации столетия революции(й) 1917 г. в России как эпизода постсоветской политики памяти[6]. Кратко охарактеризовав позиции основных мнемонических акторов, сосредоточусь на сравнении развиваемых ими исторических нарративов (смысловых схем повествований о революции(ях) 1917 г.), после чего сопоставлю их с результатами анализа стратегий, представленных в предыдущей статье [Малинова 2018].

КОММЕМОРАЦИЯ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ(Й) 1917 г. КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ

В подготовку коммеморации столетия революции(й) 1917 г. в России включились разные политические силы.

[3] Пресс-выпуск № 3488. – *ВЦИОМ.* 11.10.2017. Доступ: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446 (проверено 28.01.2018).

[4] По данным опроса "Левада-Центра", проведенного в начале марта 2017 г. по репрезентативной всероссийской выборке, оценки роли Октябрьской революции в российской истории распределились так: "очень положительная" – 10%; "скорее положительная" – 38%; "скорее отрицательная" – 25%; "крайне отрицательная" – 6%; затруднились ответить – 21%. При этом 25% опрошенных выразили согласие с тем, что "революция открыла новую эру в истории народов России", 36% – что "она дала толчок их социальному и экономическому развитию", и лишь 6% – с тем, что "она стала для них катастрофой" (Октябрьская революция. Пресс-выпуск. – *Левада-Центр*. 05.04.2017. Доступ: https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyutsiya-2/ (проверено 28.01.2018)).

[5] Понятие, предложенное М. Бернхардом и Я. Кубиком. *Мнемонические акторы* – это "политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого" [Twenty years... 2014: 4].

[6] *Политика памяти* рассматривается здесь как совокупность действий мнемонических акторов, направленных на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры.

Для *властвующей элиты*, отвечающей за выработку государственной символической политики, это был неудобный юбилей: в логике официального исторического нарратива, развивающего идею преемственности "тысячелетнего" великого Российского государства, события 1917 г. – скорее досадный срыв, нежели повод для национальной гордости. Хотя президент В.В. Путин не раз публично признавал, что столетие Февральской и Октябрьской революций – это даты, "имеющие большое общенациональное значение"[7], в конечном счете участие государства в коммеморации свелось к выделению ресурсов. Все полномочия по подготовке и проведению юбилейных мероприятий были поручены организационному комитету, который "рекомендовалось организовать" Российскому историческому обществу (РИО)[8]. Основной темой коммеморации было решено сделать идею "примирения и согласия" потомков "красных" и "белых" (подробнее см. [Малинова 2017а]). Согласно формулировке, предложенной Владимиром Путиным в послании Федеральному Собранию 2016 г., "уроки истории нужны нам прежде всего для *примирения*, для укрепления общественного, политического, гражданского *согласия, которого нам удалось сегодня достичь* (курсив мой. – *О.М.*)"[9].

В течение юбилейного года идея "примирения и согласия" не раз фигурировала в выступлениях президента и других высоких должностных лиц. Такой способ фреймирования годовщины Октябрьской революции нельзя назвать новым – он уже был использован в середине 1990-х годов, когда указом президента Бориса Ельцина праздник 7 ноября был переименован в День согласия и примирения. В 2004 г., в результате реформы праздничного календаря 7 ноября перестало быть праздничным днем, а в качестве повода для манифестации национальной солидарности был учрежден День народного единства (4 ноября). В 1990-х годах попытка преодолеть разногласия относительно оценки Октябрьской революции с помощью формулы "согласия и примирения" оказалась неудачной – отчасти потому, что все ограничилось переименованием праздника. Властвующая элита не предпринимала достаточных усилий по дальнейшей трансформации *социально-культурной инфраструктуры памяти* о событиях 1917 г.[10] – не было ни памятников, ни "переизобретения" традиций, ни новых политических ритуалов. Ничего подобного не было предложено и в 2017 г.

Правда, в плане мероприятий, разработанном РИО, значился один пункт, который можно было бы рассматривать как "закладной камень" для будущей инфраструктуры памяти, отвечающей идее "примирения и согласия". Это – установка памятника Примирения в Крыму. Его открытие, запланированное на 4 но-

[7] Путин В.В. Встреча с авторами концепции нового учебника истории. – *Президент России. Официальный сайт.* 16.01.2014. Доступ: http://www.kremlin.ru/news/20071 (проверено 28.01.2018).

[8] Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. – *Президент России. Официальный сайт*. 19.12.2016. Доступ: http://kremlin.ru/acts/news/53503 (проверено 28.01.2018).

[9] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – *Президент России. Официальный сайт*. 01.12.2016. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379 (проверено 28.01.2018).

[10] Этот термин заимствован мною у канадского социолога И. Ирвин-Зарецкой, по мысли которой "воспоминание имеет собственную инфраструктуру; часть ее используется постоянно, часть может простаивать в течение долгого времени" [Irwin-Zarecka 1994: 90]. На мой взгляд, элементами *социально-культурной инфраструктуры памяти* могут служить памятники, музеи и мемориальные комплексы, государственные праздники, публичные ритуалы, топонимика пространства, произведения литературы и искусства, знаки, символизирующие солидарность (ленты, цветы и пр.).

ября[11], могло бы стать поводом для памятной речи, закрепляющей официальную интерпретацию событий 2017 г., а в перспективе – заложить новую практику ежегодной коммеморации. Однако идея установки памятника в Севастополе вызвала протесты местной общественности, и от нее пришлось отказаться. Незадолго до юбилея Октября и вскоре после него президент участвовал в церемониях открытия двух других памятников – мемориала жертвам политических репрессий в Москве (30 октября) и памятника Александру III в Крыму (19 ноября). В обоих случаях он выступил с речами, в которых дал оценки соответствующих эпизодов российской истории, однако не стал их связывать с революцией.

Заявленный в послании Путина Федеральному Собранию принцип "примирения и согласия" не предполагал запрета на иные интерпретации: используя терминологию Бернхарда и Кубика, можно сказать, что властвующая элита заняла позицию *мнемонического плюралиста* (*mnemonic pluralists*)[12]. Но другим акторам предлагалось осуществлять собственные программы коммеморации так, чтобы не допускать "разжигания страстей". Той же цели способствовала тактика размывания общественного интереса к теме революции. Трудно сказать, был ли скандал вокруг фильма "Матильда" спланированной акцией – представляется, это все же не так, – но он, несомненно, способствовал планам властвующей элиты, отвлекая внимание от темы столетия революции.

Главными оппонентами элиты стали *коммунисты*. Это единственная политическая сила, которая не *отмечала*, а *праздновала* эту дату: в ее нарративе Октябрьская революция – это момент национальной славы. В январе 2017 г. они создали собственный Юбилейный комитет, который подготовил альтернативную программу *празднования* столетия Октябрьской революции, включавшую приглашение зарубежных делегаций, представляющих "прогрессивные партии и движения", массовое шествие и митинг 7 ноября в Москве, а также серию круглых столов и массовых мероприятий. Основная идея альтернативной коммеморации была сформулирована лидером партии Г.А. Зюгановым в докладе на мартовском 2017 г. Пленуме ЦК КПРФ как "борьба с антисоветизмом и русофобией"[13]. Формально КПРФ выступала в роли *мнемонического борца*, противопоставляющего себя оппонентам, которые не принимают "истинную" интерпретацию прошлого[14]. При этом в действительности, как я попытаюсь показать, ее нарратив имеет довольно существенные области сопряжения с нарративом властвующей элиты.

Другие политические партии также в той или иной мере пытались эксплуатировать тему столетия революции. Наибольшую активность проявило

[11] План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. – *Сайт Российского исторического общества*. 23.01.2017. С. 13. Доступ: http://rushistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf (проверено 28.01.2018).

[12] По определению Бернхарда и Кубика, акторы такого типа не только принимают как факт наличие иных интерпретаций, но и признают их право на существование; плюралисты готовы вести переговоры с оппонентами, "но в рамках соглашения о главных принципах мнемонической политики" [Twenty years... 2014: 13].

[13] Зюганов Г.А. О задачах партии по борьбе с антисоветизмом и русофобией. Доклад на мартовском 2017 года Пленуме ЦК КПРФ. – *Советская Россия*. 28.03.2017. Доступ: http://www.sovross.ru/articles/1530/31512 (проверено 28.01.2018).

[14] *Мнемонические борцы* (*mnemonic warriors*) представляют свое видение прошлого как единственно верное и противопоставляют себя другим акторам, резко проводя границу "свой" – "чужой", стремятся делегитимизировать нарративы оппонентов [Twenty years... 2014: 12-13].

"Яблоко", которое тоже заняло позицию *мнемонического борца*, отказавшись поддержать принцип "примирения и согласия". "Яблочники" сосредоточились на проблеме демократической передачи власти. Они подготовили собственную программу коммеморации, главные мероприятия которой были запланированы на январь 2018 г., когда отмечалось столетие созыва Учредительного собрания. Правда, "Яблоко" не смогло в полной мере осуществить эту программу: в январе 2018 г. главной задачей партии оказалась организация президентской кампании Г. Явлинского. В отличие от них, конкурирующие с коммунистами за статус наследников "Великого Октября" "справедливороссы" заняли позицию *мнемонических плюралистов*, поддержав принцип "примирения и согласия". Их коммеморативная программа существенно уступала по размаху программе коммунистов – она ограничилась конференциями и публикациями в СМИ. "Единая Россия" ("ЕР") и ЛДПР предпочли роль *мнемонических уклонистов* (*mnemonic abnegators*)[15]: обе партии продемонстрировали негативное отношение к событиям столетней давности; они не пытались использовать этот повод для развития собственных политических повесток, а ограничились участием в мероприятиях, организованных другими общественными силами.

Круг мнемонических акторов, включившихся в коммеморацию столетия революции, не исчерпывается политическими партиями. В этом процессе участвовало немало групп, которые не борются за голоса избирателей, но видят в коммеморируемом событии возможность для продвижения собственных интерпретаций социальной реальности и влияния на общественное мнение. Одни из них представлены общественно-политическими, экспертными и религиозными организациями [см. Миллер 2013; 2014], другие опираются преимущественно на личные ресурсы. С точки зрения полноты охвата идеологического спектра я посчитала необходимым учесть позицию одной из таких неформальных групп – "консерваторов", или "патриотов" (как они себя называют), объединившихся в 2012 г. вокруг "Изборского клуба". Исторический нарратив, развиваемый идеологами "Изборского клуба", представляет интерес еще и потому, что в нем есть любопытные пересечения одновременно и с официальной интерпретацией, и с версией главного мнемонического борца – КПРФ. "Консерваторы" также заняли позицию *мнемонических борцов*, рассматривая в качестве антагонистов "разрушителей и противников нашего государства" в лице Запада и "космополитической альтер-элиты".

Важным мнемоническим актором и незаменимым партнером властвующей элиты в коммеморации столетия революции выступает *Русская православная церковь (РПЦ)*. Для нее Февраль и Октябрь 1917 г. – это начало "национальной трагедии", в которой соединились бедствия народа, распад государства и гонения на саму церковь. В 2017 г. РПЦ осуществляла большую программу юбилейных мероприятий, которая включала и "незамеченное" на государственно-политическом уровне столетие Февральской революции, и столетие Поместного собора 1917-1918 гг., и восстановление патриаршества, и 80-летие Большого террора. Однозначно негативно оценивая Октябрьскую революцию, РПЦ не призывает к сведению счетов. Ее официальную позицию определяет Московская Патриархия, которая поддерживает взятый администрацией Путина курс на "примирение и согласие". Таким образом, церковь принимает роль *мнемонического плюралиста*.

[15] Так Бернхард и Кубик называют акторов, которые по тем или иным причинам избегают участия в войнах памяти по поводу конкретного исторического события [Twenty years... 2014: 14].

Такова конфигурация главных мнемонических акторов, определявшая *режим памяти о революции(ях) 1917 г.*, т.е. "доминирующую модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия (*highly consequential*) [Twenty years... 2014: 4]. Согласно теории Бернхарда и Кубика (рассчитанной, правда, на демократические режимы), наличие в этой конфигурации по меньшей мере трех мнемонических борцов должно иметь следствием формирование фрагментированного, конфликтного режима памяти [ibid.: 17]. Как уже отмечалось, заключительный этап коммеморации столетия революции 1917 г. прошел на удивление мирно и спокойно. Значит ли это, что предположение о конфликтном режиме памяти не подтвердилось? Или теория, согласно которой режим памяти определяется конфигурацией мнемонических акторов, не работает в гибридных режимах? Чтобы ответить на эти вопросы, я сравню соперничающие интерпретации революции(й) 1917 г. и попытаюсь определить, в какой мере позиции мнемонических акторов противоречат друг другу.

Методика сравнительного анализа исторических нарративов

В политическом дискурсе, как и в историографии, основным форматом репрезентации прошлого является *нарратив* – сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий. Связность достигается за счет генеалогического принципа изложения. По определению С. Зенкина, нарратив имеет "*перспективную структуру* – когда событие отсылает к каким-то своим будущим последствиям (именно к последствиям, а не к причинам)" [Зенкин 2003]. Исторические нарративы имеют сложносоставную структуру: они складываются из событий-фрагментов, которые могут быть развернуты в самостоятельные сюжетные повествования. В нашем случае революция(и) 1917 г. – это и фрагменты большого нарратива, отсылающие к предыдущим и последующим звеньям исторического процесса, и предмет самостоятельного повествования, описывающего цепь событий от Февраля к Октябрю. В отличие от профессиональной историографии, "политика памяти" работает с упрощенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия эмоционально окрашенным схемам[16]. Нарративы, описывающие "один и тот же" исторический процесс, могут существенно отличаться друг от друга, но вместе с тем должны иметь структурное сходство. Это обстоятельство положено в основу сравнительного анализа нарративов революции(й) 1917 г., представленного в настоящей статье.

Повествования такого рода сложно сравнивать "целиком", поскольку их композиция всегда индивидуальна, но можно выделить набор структурных характеристик, сопоставление которых позволит увидеть не только различия, но и сходства. В настоящем исследовании анализ и сравнение проводились по следующим позициям:

[16] В той мере, в какой такие схемы принимаются в качестве "истинных" и служат основаниями групповых идентичностей, их можно считать мифами [Bottici, Challand 2006].

1) *стержневая идея* повествования, как правило, связанная с миссией / политической программой / идентичностью соответствующего мнемонического актора;

2) *сюжетная линия*: в большинстве рассматриваемых нарративов она сосредоточена на истории трагедии и травмы, пережитой Россией в XX в.; при этом момент травмы и ее причины видятся по-разному;

3) *элементы-события*, между которыми выстраиваются перспективные связи (то, о чем "забывают", не менее важно, чем то, о чем "вспоминают");

4) *важнейшие действующие лица:* протагонисты/герои/делатели и антагонисты/враги/вредители; нередко подразумевается связь между действующими лицами исторических нарративов и современными *мнемоническими антагонистами* актора (см. табл. 1);

5) *уроки*, которые предлагается вынести из исторического опыта.

КОММЕМОРАЦИЯ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ/Й 1917 г.: СРАВНЕНИЕ КОНКУРИРУЮЩИХ НАРРАТИВОВ

"Революция 1917 г. в России" в официальном политическом дискурсе

Как уже отмечалось, тему революции непросто вписать в исторический нарратив, развиваемый современной властвующей элитой. С точки зрения его *главной идеи* – строительства и укрепления "тысячелетнего" Российского государства – и революция (в этой логике Февраль и Октябрь 1917 г. – звенья одного процесса), и распад СССР – это трагические моменты коллективной *травмы*. Как заявил В. Путин, Россия до сих пор испытывает "последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности"[17].

Сюжетная линия официального нарратива сосредоточена на преодолении этих травм и главном моменте триумфа – победе в Великой Отечественной войне. В официальном политическом дискурсе можно обнаружить как негативные, так и позитивные оценки советского опыта; предметом критики чаще всего становятся действия правящей элиты, предметом одобрения – экономические, военно-политические и культурные достижения народа. Трагедия революции связывается преимущественно с Гражданской войной и распадом Российской империи. Тема политических репрессий не раз возникала в выступлениях Путина, однако она является как бы "самостоятельной" смысловой вставкой: признавая эту трагедию, он избегает говорить о ее связи с другими событиями, составляющими основной сюжет исторического нарратива. Выступление на открытии мемориала "Стена скорби" 30 октября 2017 г. вполне вписывается в эту тенденцию. Поддержав своим участием в церемонии политику памяти, направленную на увековечивание памяти жертв политических репрессий, призвав "помнить об этом трагическом периоде нашей истории, когда жестоким преследованиям подвергались целые сословия, целые народы", Путин ни словом не упомянул о причинах и виновниках этих трагических событий. В частности, он не проводил связи между "страданиями миллионов людей" и революцией, столетие которой предстояло отмечать неделю спустя.

[17] Путин В.В. Выступление на Юбилейном заседании международного дискуссионного клуба "Валдай", посвященном теме: "Многообразие России для современного мира". – *Президент России. Официальный сайт.* 19.09.2013. Доступ: http://kremlin.ru/transcripts/19243 (проверено 30.01.2018).

Президент закончил свое выступление предложением “помнить о трагедии репрессий”, но не призывать “к сведению счетов” [18], тем самым дав понять: власть предлагает извлекать из трагического опыта политических репрессий нравственные, но не политические уроки[19].

В роли *протагонистов* в этом нарративе выступают элиты, “строящие государство”, и народ. В роли *антагонистов* – внешние враги и “национал-предатели”. К категории последних Путин однажды отнес и “героев” Октябрьской революции – большевиков. Рассуждая о причинах, по которым оказалась “забытой” Первая мировая война, президент связал их с нежеланием “тогдашнего руководства страны” говорить о собственном “национал-предательстве”, которое привело к потере “огромных территорий” и ущемлению интересов страны. Правда, он тут же оговорился, что большевики “искупили свою вину перед страной в ходе Второй мировой войны”[20]. Официальный нарратив негативно относится к самой идее революции.

Важнейший урок, о котором, по словам Путина, “просто кричит” вся история России: “платить... за жажду перемен разрушением самого государства недопустимо”[21]. Отсюда – идея патриотизма как почвы для “примирения и согласия”, на которой должна базироваться официальная программа коммеморации столетия революции 1917 г. в России. Как сказал Путин в начале своего третьего президентского срока, “суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны. Это те ‘красные линии’, за которые нельзя никому заходить. При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников”[22]. По-видимому, этот принцип устанавливает и границы мнемонического плюрализма для коммеморации столетия революции(й) 1917 г.

“Либеральный Февраль” и “Великий Октябрь” в дискурсе КПРФ

Идея нарратива, развиваемого КПРФ, – утрата “золотого века”, который связывается с советским периодом. По определению Г.А. Зюганова, “эпоха с 1917 по 1991 год – это кульминация нашей цивилизации, ее высшая

[18] Путин В.В. Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий “Стена скорби”. – *Президент России. Официальный сайт.* 30.10.2017. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/55948 (проверено 28.01.2018).

[19] Среди тех, кого так или иначе можно отнести к властвующей элите, нет единства в оценке политических репрессий. Примечательно, что через три недели после сенсационного заявления Путина на открытии мемориала “Стена скорби” о том, что “никаких оправданий этим преступлениям быть не может”, директор ФСБ России А.В. Бортников в интервью “Российской газете” по случаю 100-летия ВЧК утверждал, что “чрезвычайность ситуации диктовала необходимость принятия чрезвычайных мер” и что “архивные материалы свидетельствуют о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов” (Бортников А.В. ФСБ расставляет акценты. – *Российская газета*. Федеральный выпуск № 7454 (288). 19.12.2017. Доступ: https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html (проверено 27.01.2018)). Интересно, что на следующий день после этого интервью, поздравляя работников органов безопасности со 100-летием ВЧК, Путин предпочел не затрагивать тему политических репрессий (Путин В.В. Торжественный вечер, посвященный Дню работника органов безопасности. – *Президент России. Официальный сайт.* 20.12.2017. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/56452 (проверено 27.01.2018)).

[20] Путин В.В. Ответы на вопросы членов Совета Федерации. – *Президент России. Официальный сайт*. 27.06.2012. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/15781 (проверено 27.01.2018).

[21] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – *Президент России. Официальный сайт.* 12.12.2012. Доступ: http://www.kremlin.ru/news/17118 (проверено 27.01.2018).

[22] Путин В.В. 2013. *Указ. ист.*

точка... Борьба с советским строем предполагала для предателей и борьбу с нашей страной”[23]. В дискурсе наследницы КПСС тема классовой борьбы соединяется с национал-патриотизмом. Поэтому хотя коммунисты расходятся с властвующей элитой в оценке революций, их подход вполне вписывается в обозначенные Путиным “красные линии”.

Сюжетная схема нарратива КПРФ строится вокруг истории установления советской власти и ее достижений, а также объяснения причин распада коммунистического режима. “Либеральный Февраль” отделяется от “Великого Октября”: буржуазная революция была “неизбежным следствием клубка противоречий, которые вызрели в России”, “события с Февраля по Октябрь показали полный крах либерального проекта”[24]. При этом “Великая Октябрьская революция спасла Россию от разрушения”, большевики не были повинны в развязывании Гражданской войны, “Советская власть утвердилась... в основном мирно”, а “жестокая схватка” началась с мятежа чехословацкого корпуса в мае 1918 г., при поддержке Антанты[25]. Нарратив КПРФ полностью исключает тему политических репрессий и фокусируется на достижениях советской власти: “Победа партии Ленина в октябре 1917 г. и сталинский индустриальный прорыв превратили страну в экономически развитое государство с высочайшим уровнем образования, культуры и социальных гарантий”, а Великая Отечественная война представляется как “предельно строгий экзамен для советского социализма”, но в то же время – как трагедия (“она унесла жизни многих искренних коммунистов и комсомольцев”)[26]. История утраты “золотого века” начинается с разоблачения культа личности Сталина и хрущевской “оттепели” – эти события “способствовали ренессансу мещанства и преклонения перед капиталистическим миром”. А в 1985 г. “перерожденцы пошли на предательство советского государственного строя” и “совершили сдачу Родины ее противникам”[27].

Протагонисты в этом нарративе – большевики, Ленин, Сталин, советский народ. *Антагонисты* – глобальный капитализм, для которого Россия остается главной мишенью (“имея уникальный опыт”, она и сегодня “способна предложить ему альтернативу”[28]), Хрущев, Горбачев, русофобская интеллигенция, “либералы”.

Основные уроки, которые предлагают вынести коммунисты, политически неоднозначны. С одной стороны, КПРФ говорит о “необходимости преодоления неравенства и создания справедливой социально-экономической системы” и о наличии в современной России “глубоких противоречий”, которые “могут создать крайне взрывоопасную ситуацию”[29], а с другой – поддерживает правительственную политику, направленную на укрепление позиций страны

[23] Зюганов Г.А. 2017. *Указ. ист.*

[24] Новиков Д.Г. Февральская и Октябрьская революции были неизбежны и закономерны. От либерального Февраля к пролетарскому Октябрю. Материалы Круглого стола фракции КПРФ в ГД РФ. – *Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт.* 16.02.2017. Доступ: https://kprf.ru/party-live/cknews/162513.html (проверено 30.01.2018).

[25] Зюганов Г.А. 2017. *Указ. ист.*

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

в конфронтации с Западом (ибо "реставрация капитализма в России... не устранила глубинных противоречий с западным миром"[30]). Будучи едва ли не единственной политической силой, не разделяющей лозунг: "Никаких революций!", коммунисты тем не менее говорят о "мирном и демократическом" характере "перехода от капитализма к обновленному социализму"[31]. Таким образом, оппозиция со стороны КПРФ не носит радикального характера. Оспаривая официальный подход к коммеморации столетия революции, коммунисты разделяют характерные для него принципы национал-патриотизма и антизападничества. В этом смысле они вполне вписываются в "красные линии", обозначенные властью, и их "бунт" против официального "примирения и согласия" не следует воспринимать как серьезную угрозу политическому режиму.

"Социальный взрыв" Февраля и "Великий и трагический Октябрь" в дискурсе "Справедливой России"

"СР", которая позиционирует себя как партия социал-демократической ориентации, также претендует на наследие "Великого Октября". *Главная идея* ее нарратива – противопоставление советского опыта "настоящему" социализму как "великому освободительному идеалу, противостоящему дикому и бесчеловечному капитализму"[32].

Сюжетная линия нарратива "справедливороссов" сосредоточена на причинах и уроках провала советского социалистического проекта, коренной недостаток которого видится в его революционности (принципиально чуждой самой "СР")[33]. Февральская революция рассматривается как закономерный результат стихийного социального взрыва, обусловленного неспособностью правящей "элиты" "трансформировать экономический рост в улучшение жизни народа". Отсюда – объяснение Октября: большевики "действовали", "пока другие грызлись и разглагольствовали"[34]. Лидер "СР" С.М. Миронов предлагает отделять "позитивную энергию Октября" от "последующих преступлений режима": "лучшие достижения советской эпохи" связываются с вдохновлявшей массы социалистической идеей[35]. Гражданскую войну и последовавшие за нею репрессии "справедливороссы" рассматривают как "тяжелейшую национальную травму"[36], преодоление которой видят в "примирении и согласии", предложенных Путиным[37].

В качестве *протагонистов* в нарративе "СР" выступают отчасти большевики (совершавшие тем не менее серьезные ошибки), вдохновленные

[30] Новиков Д.Г. 2017. *Указ. ист.*

[31] Зюганов Г.А. 2017. *Указ. ист.*

[32] Миронов С.М. Доклад на заседании Центрального совета партии "Справедливая Россия". – *Официальный сайт Политической партии "Справедливая Россия"*. 24.04.2017a. Доступ: http://www.spravedlivo.ru/5_81941.html (проверено 28.01.2018).

[33] Рассуждая об идеологической ориентации "СР", ее лидер особо подчеркивает, что его партия "никогда не руководствовалась в своей деятельности революционными иллюзиями, которые очень дорого обходятся всему обществу" (там же).

[34] Миронов С.М. Февраль – предвестник Октября. К 100-летию революции, похоронившей российское самодержавие. – *Независимая газета*. 31.01.2017b. Доступ: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-31/8_6916_february.html (проверено 28.01.2018).

[35] Миронов С.М. Октябрь 17-го: уроки без забвения. – *Российская газета*. 31.10.2007. Доступ: http://www.rg.ru/2007/10/31/oktyabr-mironov.html (проверено 28.01.2018).

[36] Миронов С.М. 2017a. *Указ. ист.*

[37] Миронов С.М. 2017b. *Указ. ист.*

социалистической идеей массы, президент Путин. В качестве *антагонистов* – тогдашняя правящая "элита", которая "плевала на народ", а также Запад.

Основной урок, который "справедливороссы" предлагают вынести из опыта революции: "революционных потрясений можно избежать, если власть проводит реальные, а не декоративные социальные и политические реформы"[38]. Это камень в огород правительства, которое боится подступаться к решению острых вопросов. При этом "СР" однозначно поддерживает В.Путина. По словам С.Миронова, первый урок Февраля "состоит в том, что Россия – это не та страна, которая может позволить себе иметь слабую власть" (поэтому так важен высокий рейтинг доверия нынешнему президенту)[39]. Кроме того, учитывая "навязчивую идею западных лидеров перекроить карту мира по своему вкусу", партия поддерживает "усилия руководства России по модернизации и укрепления боеспособности вооруженных сил"[40]. Наконец, учитывая опыт "эрозии ценностей" в Феврале 1917 г. и накануне распада СССР, Миронов выступил с предложением "снять запрет на госидеологию, содержащийся в статье 13 Конституции РФ"[41]. Очевидно, что прагматика политического использования столетия революции "справедливороссами" в первую очередь определяется конструированием партийной идентичности по контрасту, с одной стороны, с КПРФ, с другой – с "ЕР". В то же время реализуемая ими стратегия коммеморации не противоречит подходу властвующей элиты.

Февраль как надежда на политическую модернизацию и катастрофа Октября: дискурс "Яблока"

Стратегия коммеморации либералов из партии "Яблоко", напротив, идет вразрез с подходом властвующей элиты. *Главная идея* их исторического нарратива – причины и уроки провалов демократизации России в XX в.

Его *сюжетная линия* строится на параллелях между двумя попытками неудачной политической модернизации – в 1917 г. и в 1990-х годах. По версии Г. Явлинского, "почти все актуальные и наиболее болезненные проблемы современной России связаны с сознательным и активным следованием политике современного большевизма"[42]. Падение самодержавия интерпретируется "яблочниками" как закономерное следствие отказа от политической модернизации, Февральская революция – как шанс "спасти ситуацию в стране", а "вооруженный государственный переворот 25 октября 1917 года" – как "уголовно-преступный срыв, поворот в тупик"[43]. В качестве критической поворотной точки рассматривается разгон демократически избранного Учредительного собрания: свергнув в его лице легитимную власть, большевики "не могли обходиться без террора и лжи, которые стали системообразующими элементами государства"[44]. Последствия утраты легитимного государства – катастрофа, постигшая Россию

[38] Миронов С.М. 2017a. *Указ. ист.*

[39] Миронов С.М. 2017b. *Указ. ист.*

[40] Миронов С.М. 2017a. *Указ. ист.*

[41] Миронов С.М. 2017b. *Указ. ист.*

[42] Явлинский Г.А. Возвращение к Февралю. – *Сайт партии "Яблоко"*. 27.02.2017a. Доступ: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2017/02/27_0 (проверено 30.01.2018).

[43] Там же.

[44] Явлинский Г.А. Российские параллели: 1917-2017. О политических параллелях и об оценке событий столетней давности. – *Сайт партии "Яблоко"*. 03.04.2017b. Доступ: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2017/04/03 (проверено 28.01.2018).

в XX в., т.е. “разделение страны, гражданская война, политические репрессии, гибель и изгнание миллионов людей”[45]. По версии Явлинского, в 1990-х годах попытка модернизации постсоветской России тоже закончилась провалом, потому что ее пытались делать большевистскими методами (“во имя такой цели, как рыночная экономика, можно делать все что угодно”)[46]. В нежелании современной власти “признать преступления советского периода” (в прошлом году минуло как раз 80 лет началу Большого террора) и стремлении “спустить все на тормозах” лидер “Яблока” видит подтверждение ее приверженности “большевистским инструментам удержания контроля над страной”[47].

Протагонисты в этом случае – либералы-демократы начала XX в., *антагонисты* – самодержавие, большевики и властвующие элиты постсоветской России.

Главный урок революции: “несмотря ни на какие временные успехи российское самовластие ведет в целом к опаснейшему отставанию и деградации”, поэтому политическая модернизация необходима, и путь к ней – “переоснование государства на Учредительном собрании”[48].

Этот нарратив имеет мало пересечений с историями других мнемонических акторов, и прежде всего – властвующей элиты. Подобно коммунистам, “яблочники” отвергают идею “примирения и согласия”, однако в отличие от них они явно выходят за “красные линии” “патриотического” дискурса.

Февраль и Октябрь в контексте “борьбы цивилизаций”: дискурс “Изборского клуба”

Зато в рамки “патриотического” дискурса идеально вписывается нарратив, развиваемый в докладе “По ту сторону ‘красных’ и ‘белых’”, подготовленном в апреле 2013 г. группой членов “Изборского клуба” под руководством В. Аверьянова. Доклад имел программный характер – он был задуман как платформа для стратегического союза “советских патриотов” (“красных”) и “патриотов-традиционалистов” (“белых”). Он систематизирует идеи, встречающиеся в текстах многих публицистов право-консервативного направления.

Главная идея консервативно-патриотического нарратива – “борьба цивилизаций”, в которую Россия вовлечена в течение ряда столетий.

Его *сюжетная линия* сосредоточена на противостоянии защитников России и ее противников – враждебного Запада и “внутренних предателей”. Подобно официальному и коммунистическому нарративам, смысловая схема “консерваторов” рассматривает СССР как продолжение Российской империи, но подводит под это обоснование. Авторы доклада доказывают, что русский народ объединен “вековой тягой к социальной правде”, которая на разных этапах находила разное воплощение[49]. В этом основа “суверенного цивилизационного самосознания”

[45] Явлинский Г.А. 2017а. *Указ. ист.*

[46] Явлинский Г.А. “Сказать правду и получить миллион голосов”. – *Новая газета*. 07.12.2016. Доступ: https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/06/70793-skazat-pravdu-i-poluchit-million-golosov (проверено 28.01.2018).

[47] Явлинский Г.А. 2017а. *Указ. ист.*

[48] Там же. Ср.: Явлинский Г.А. “Главное только начинается...”. “Яблоко” берет курс на созыв Учредительного собрания. – *Московский комсомолец*. 28.02.2012. Доступ: http://www.mk.ru/politics/2012/02/28/676280-grigoriy-yavlinskiy-glavnoe-tolko-nachinaetsya.html (проверено 28.01.2018).

[49] По ту сторону “красных” и “белых”. – *Сайт Института динамического консерватизма*. 2013. Доступ: http://www.dynacon.ru/content/articles/1164/ (проверено 28.01.2018).

и сущностная причина стремления врагов разрушить Россию[50]. Сквозь призму "борьбы цивилизаций" видится и история революций 1917 г: Февраль представляется "краткой и противоестественной синкопой" (обмороком)[51], а Октябрь – началом медленного поворота "на традиционные пути". "Консерваторы" усматривают заслугу Ленина не только в восстановлении разрушенного государства, но и "в том, что он вывел Россию как страну второго эшелона капиталистического развития из навязанной ей неравной игры", открыв перспективу сталинской "сверхмодернизации"[52]. Трагедия Гражданской войны связывается не только с братоубийством, но и с торжеством врагов, которым удалось стравить между собой "красных" и "белых". Политические репрессии в дискурсе "Изборского клуба" не только не считаются травмой, но даже оправдываются[53]. Главной травмой в глазах "консерваторов" является проигрыш в холодной войне и распад СССР ("до сих пор восстановление нашей субъектности остается тяжелой и не до конца решенной проблемой для власти и общества"[54]). Этот нарратив – наиболее полный, в него – отчасти, в силу специфики жанра – включены практически все важнейшие периоды отечественной истории XX в.

В качестве *протагонистов* в нарративе "консерваторов" выступают русские патриоты (т.е. те, кто на "правильной стороне" в "борьбе цивилизаций"), Ленин, Сталин, Путин. В качестве *антагонистов/врагов* – Запад, "внутренние предатели" и в частности – "либералы-демократы, воспаленные ненавистью ко всему советскому, а также... имперскому опыту России"[55]. Нарратив "консерваторов" имеет откровенно ксенофобную окраску.

Основной урок – необходимость преодоления розни "красных" и "белых" для противостояния истинным врагам России.

Этот нарратив имеет очевидные пересечения со смысловыми схемами других мнемонических акторов, акцентирующих травму распада СССР и антизападничество (властвующая элита, КПРФ, отчасти "СР"). Однако он выглядит более последовательным, поскольку выстраивает перспективные связи между ключевыми событиями XX в. без "лишней" политкорректности. Он цинично "проговаривает" то, о чем другие мнемонические акторы стыдливо "забывают", и тем самым вскрывает ключевую дилемму интерпретации истории XX в.: ее оценка с точки зрения "государственной целесообразности" идет

[50] Анализ концепций современного русского мессианизма, обосновывающих противостояние России и Запада см. [Engström 2014].

[51] Впрочем, есть и другие версии: некоторые сторонники идеи "борьбы цивилизаций" видят причины "революционной катастрофы" 1917 г. в "мощнейшей и коварной цивилизационной агрессии Запада", стремившегося уничтожить Россию как геополитического конкурента (Даренский В.Ю. Революция 1917 года как цивилизационная агрессия Запада. – *Сайт Литературно-исторического клуба "Русичъ"*. 09.11.2017. Доступ: http://likorg.ru/post/revolyuciya-1917-goda-kak-civilizacionnaya-agressiya-zapada-chast-pervaya-v-yu-darenskiy-kand-filos-nauk-g-lugansk (проверено 28.01.2018).

[52] По ту сторону "красных" и "белых". 2013. *Указ. ист.*

[53] Например, М. Хазин обосновывает необходимость сталинских репрессий государственной целесообразностью ("либо мы сегодня заставим людей создать современную промышленность, либо нас уничтожат" (Хазин М. Мы должны быть искренне благодарны Сталину. – *Сайт "Изборский клуб"*. 11.03.2017. Доступ: https://izborsk-club.ru/12720 (проверено 28.01.2018)), а С. Черняховский доказывает, что репрессии – подавление сопротивления государственной политике – есть необходимая функция государства (Черняховский С. Реабилитация репрессий. – *Сайт "Изборский клуб"*. 18.03.2017. Доступ: https://izborsk-club.ru/12787 (проверено 28.01.2018)).

[54] По ту сторону "красных" и "белых". 2013. *Указ. ист.*

[55] Там же.

вразрез с представлениями о гуманизме. Апологию советского опыта трудно примирить с памятью о травматическом опыте XX в.

Итоги "тяжелейшего столетия" в дискурсе РПЦ

Попытка соединения частичной апологии советского периода и памяти о коллективных травмах имеет место в нарративе РПЦ, совмещающем два плана повествования: рассказ о национальной трагедии русского народа и историю самой РПЦ в XX в. *Основная идея* первого сюжета – тяжелые последствия отступления от Божественной Истины и важность сохранения духовной и нравственной традиции, *основная идея* второго – достойное выполнение РПЦ своей миссии в годы гонений и ее современное возрождение. Память о собственной травме обуславливает критическое отношение к советской власти. Но объектом апологии является народ, а не государство, поэтому "нравственное осуждение преступлений" не мешает признавать "подвиги миллионов наших соотечественников, искренне трудившихся на благо Родины и своего народа в те непростые годы"[56].

Обе *сюжетные линии* фокусируются на рассказе о трагедии, пережитой народом и православной церковью, и ее уроках. Февраль и Октябрь рассматриваются как единый катастрофический процесс, который помимо внешних причин, о которых рассуждают историки, имел причины внутренние – он был следствием утраты "живой и искренней веры в Бога" и отступления от "духовной и нравственной традиции". Революция была злом, ибо "никакие усилия, направленные на построение счастливой, справедливой и обеспеченной жизни, не могут принести плода, если связаны с преступлениями и страданиями"[57]. Сделав выбор в пользу зла, люди обрекли себя на последующие несчастья, ибо в таких случаях "Господь оставляет человека, предоставляя ему возможность жить... в соответствии со своим выбором"[58]. Вся последующая история XX в. – переживание последствий революции и путь к духовному возрождению. Нарратив РПЦ фиксирует важнейшие вехи этого процесса – трагедию Гражданской войны и эмиграции, страдания верующих от атеистического режима, политические репрессии ("всех невинно пострадавших"), Великую Отечественную войну, которая "вернула людей – хоть и не в полной мере – к осознанию важности духовных основ жизни", новую волну гонений в хрущевский период и наконец "юбилейный 1988 год", который "стал началом принципиального изменения отношения власти к церкви". Духовное возрождение оказалось возможным, ибо и "в советский период в том или ином виде сохранилась связь этических ориентиров и образа жизни с богооткровенными нравственными идеалами, веками закреплявшимися в нашем народе"[59]. Вторая сюжетная линия, связанная с историей самой РПЦ, дополнительно фиксирует такие вехи, как столетие Поместного собора

[56] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений. – *Официальный сайт Московского Патриархата*. 25.01.2017. Доступ: http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html (проверено 28.01.2018).

[57] Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в день 100-летия обретения Державной иконы Божией Матери в храме Казанской иконы Божией Матери в Коломенском. – *Официальный сайт Московского Патриархата*. 15.03.2017. Доступ: http://www.patriarchia.ru/db/text/4834806.html (проверено 28.01.2018).

[58] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла... 2017. *Указ. ист.*

[59] Там же.

1917-1918 гг. и восстановления патриаршества, 80-летие Большого террора и почитание в лике святых новомучеников и исповедников Церкви Русской, пострадавших за веру в XX в.

Протагонисты в этом нарративе – народ и церковь, *антагонисты* – отступившая от Бога интеллигенция, советская власть.

Основные уроки: 1) все беды XX в. свидетельствуют о силе Божественного Промысла, важности "живой и искренней веры в Бога" и понимания важности "духовной и нравственной традиции" своего народа[60]; 2) следует ценить чудо возрождения РПЦ, в том числе – восстановление в XX в. законной канонической власти, которая дает Церкви "возможность официально высказываться и подвергать духовному анализу происходящее в стране"[61].

Внутри РПЦ есть разные субкультуры, между которыми нет полного единства в понимании истории (см. [Mitrokhin 2009: 299; Papkova 2011; Torbakov 2014]). Однако официальный нарратив РПЦ вполне вписывается в избранный Путиным курс на "примирение и согласие". Церковь "берет на себя" коммеморацию трагических эпизодов прошлого, которые оказались "забыты" в апологетическом нарративе, артикулируемом от имени государства, при этом она дает им не политическую, а "духовную и нравственную" оценку, что вполне устраивает властвующую элиту.

Сравнительный анализ выделенных структурных характеристик (см. табл. 2) показывает, что при всех индивидуальных особенностях исторические нарративы, развиваемые главными мнемоническими акторами, имеют примечательные пересечения и расхождения.

Во-первых, очевидно, что все истории сосредоточены на трагедии, пережитой Россией в XX в. Однако для одних (РПЦ, "Яблоко", "СР") главная трагедия – последствия революции(й), для других (властвующая элита, КПРФ, "консерваторы") – распад СССР и поражение в холодной войне.

Во-вторых, по-разному интерпретируются события 1917 г.: для кого-то важно различать Февраль и Октябрь, ибо перспективы двух революций оцениваются диаметрально противоположно (для КПРФ и "консерваторов" либеральный Февраль – катастрофа, великий Октябрь – путь к спасению; для "Яблока" – наоборот), для кого-то (властвующая элита, РПЦ) это единый "круговорот", имевший общие негативные последствия.

В-третьих, "сворачивание" нарративов в политических текстах предполагает селекцию значимых эпизодов. Нарративы, которые более или менее апологетически описывают советский режим, "забывают" про политические репрессии и другие его "издержки" (КПРФ). Следуя обратной логике, "яблочный нарратив" не поднимает темы Великой Отечественной и холодной войны. Вместе с тем, все рассмотренные акторы в юбилейном контексте избегают говорить о периоде "застоя" и единодушно негативно рассматривают опыт 1990-х годов. Сравнительный анализ особенно наглядно демонстрирует мифологизирующий подход, характерный для политического использования прошлого: каждая из конкурирующих историй "вспоминает" и "забывает" то, что отвечает целям мнемонического актора.

[60] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла... 2017. *Указ. ист.*

[61] Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в день 100-летия открытия Поместного Собора 1917-1918 гг. – *Официальный сайт Московского Патриархата*. 28.08.2017. Доступ: http://www.patriarchia.ru/db/text/4997468.html (проверено 28.01.2018).

Таблица 2 (Table 2)

События 1917 г. в России в нарративах основных мнемонических акторов
The Events of 1917 in Russia in the Narratives of the Main Mnemonic Actors

Мнемонический актор	**Сопоставляемые структурные характеристики нарративов: 1) Главная трагедия/травма 2) Революция или революции? 3) Что осталось за рамками нарратива? 4) Отношение к революциям как политическому явлению**	
Властвующая элита	1)	Распад СССР
	2)	“Революция 1917 года в России” (–)
	3)	Политические репрессии, “оттепель”, “застой”, перестройка, холодная война
	4)	Нет революциям
КПРФ	1)	Распад СССР
	2)	Либеральный Февраль (–), пролетарский Октябрь (+)
	3)	Политические репрессии, “застой”
	4)	Революции неизбежны, но их можно производить “мирно и демократически”
“Справедливая Россия”	1)	Гражданская война, политические репрессии
	2)	Февраль (+/–), Октябрь (+/–)
	3)	Великая Отечественная война, “застой”, “перестройка”
	4)	Нет революциям
“Яблоко”/ либералы	1)	Октябрьская революция
	2)	Либеральный Февраль (+), катастрофа Октября (–)
	3)	Советская модернизация, Великая Отечественная война, холодная война, “застой”
	4)	Нет революциям
Консерваторы-патриоты / “Изборский клуб”	1)	Поражение в холодной войне и распад СССР
	2)	“Синкопа Февраля” (–), Октябрь как начало поворота на “традиционный путь” (+)
	3)	“Застой”
	4)	Критика революций / революционный романтизм
РПЦ	1)	“Потеря исторической преемственности и живой культурной традиции”
	2)	Революционный “круговорот” (–)
	3)	Холодная война, “застой”
	4)	Нет революциям

В-четвертых, большинство акторов отрицательно относятся к революции как способу социальных изменений. Даже КПРФ, настаивающая на объективной природе революций, обещает проводить свою программу перемен “мирно и демократично”. Правда, следы романтизации революции, характерной для советского дискурса, можно обнаружить в публикациях некоторых членов “Изборского клуба”. По мнению М. Шевченко, “без революции Россия вообще не имеет смысла. Без революции она становится территорией, погружающейся в сон...”: невозможность “упаковать” Россию в стандартный формат делает ее “вызовом миру” и постоянным источником революционности[62]. По оценке А. Проханова, “и сегодняшняя Россия беременна революцией.

[62] Шевченко М. Россия есть вызов миру. – *Сайт “Изборский клуб”*. 23.05.2017. Доступ: https://izborsk-club.ru/13373 (проверено 2.09.2017).

Вопрос – кто ее совершит, кто затеет ее, долгожданную и великую" – обезумевший народ или мудрая власть? Для Проханова ответ ясен: "Воля президента должна забрать революцию из рук уличных главарей..."[63]. Впрочем, эти туманные рассуждения скорее свидетельствуют о популизме "консерваторов", нежели об их действительной приверженности революционным подходам. К тому же далеко не все "изборцы" разделяют эти установки – большинство негативно относится к революции как способу решения общественных проблем.

Заключение: состоялось ли "примирение и согласие"?

Таким образом, сравнительный анализ нарративов подтверждает вывод о наличии фрагментированного и конфликтного режима памяти, сделанный на основе анализа стратегий [Малинова 2018]. Почему же несмотря на очевидную непримиримость позиций главных мнемонических акторов, коммеморация столетия революции(й) 1917 г. прошла "мирно"? Почему ни один из мнемонических борцов не составил серьезной конкуренции стратегии властвующей элиты, целью которой было не допустить "разжигания страстей"? Ответ на этот вопрос также могут дать результаты анализа нарративов и стратегий.

При ближайшем рассмотрении, позиция главного мнемонического оппонента – КПРФ – не столь уж радикально противоположна позиции власти: коммунисты видят в роли своих мнемонических антагонистов "либералов" и Запад; при этом они избегают прямой критики президента и адресуют свои упреки правительству. Поскольку они не выходят за "патриотические" "красные линии", нет оснований рассматривать их альтернативную программу коммеморация в качестве угрозы. Будучи "мирной", в отсутствие официальных коммеморативных мероприятий она репрезентировала установки тех, кто по-прежнему позитивно оценивает последствия Октябрьской революции. Проанализированный нами на примере "изборцев" консервативно-патриотический нарратив также имеет существенные точки пересечения с официальным. К тому же на данный момент он представляет собой скорее интеллектуальную, нежели политическую формацию. Позиция "Яблока", призывающего к созыву нового Учредительного собрания и трансформации нынешнего порядка, гораздо более радикальна. Однако будучи внепарламентской оппозиционной партией, "Яблоко" имеет ограниченные возможности для коммуникации и мобилизации сторонников. Остальные политические силы заняли позиции мнемонических плюралистов или мнемонических уклонистов. Что особенно важно, властвующая элита выступила в роли плюралиста (и де-факто уклониста): продвижение собственной интерпретации события не было для нее принципиально важным. Сформулированный ею принцип "примирения и согласия" скорее призван был установить границы для других акторов.

В этих условиях властвующая элита выбрала разумную тактику: отказавшись от официальной коммеморации и тем самым уйдя от прямой полемики с оппонентами, она достигла своей цели – юбилей Октябрьской революции удалось провести мирно, без "разжигания страстей". Другой вопрос – в какой мере он стал "событием памяти", меняющим смысловые рамки восприятия исторического события. Ответ на него даст будущее. И данные опросов общественного мнения, и результаты анализа соперничающих нарративов, и весьма скромный вклад юбилея в сложившуюся

[63] Проханов А. Запрос на справедливость. – *Завтра*. №17 (1221). 27.04.2017. Доступ: http://old.zavtra.ru/content/view/zapros-na-spravedlivost/ (проверено 2.09.2017).

инфраструктуру памяти о революции(ях) 1917 г. заставляют предположить, что "примирения и согласия" по поводу этого события вряд ли удалось достичь.

Зенкин С. 2003. Критика нарративного разума. Заметки о теории. 4. – *Новое литературное обозрение*. № 59. С. 42-44. Доступ: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html (проверено 30.01.2018).

Малинова О.Ю. 2017a. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления "мифа основания" СССР в официальном историческом нарративе РФ. – *Политическая наука*. № 3. С. 13-39.

Малинова О.Ю. 2017b. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. – *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. № 4 (87). С. 6-22. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87).pdf (проверено 30.01.2018).

Малинова О.Ю. 2018. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: Анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 9-25. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02

Миллер А.И. 2013. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. – *Полития*. № 4 (71). С. 114-126.

Миллер А.И. 2014. Политика памяти: год разрушенных надежд. – *Полития*. № 4 (75). С. 49-57.

Эткинд А. 2016. *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение. 328 с.

Bottici Ch., Challand B. 2006. Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy. – *European Journal of Social Theory*. Vol. 9. No. 3. P. 315-336. https://doi.org/10.1177/1368431006065715

Engström M. 2014. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy. – *Contemporary Security Policy*. Vol. 35. No. 3. P. 356-379. https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888

Irwin-Zarecka I. 1994. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick: Transaction Publishers. XIV, 214 p.

Mitrokhin N. 2009. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations. – *Social Research*. Vol. 76. No. 1. P. 289-320.

Papkova I. 2011. *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press. xiii, 265 p.

Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. 2014. Oxford: Oxford University Press. xviii, 362 p.

Torbakov I. 2014. The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia. – *Demokratizatsiya*. Vol. 22. No. 1. P. 145-170.

DOI: 10.17976/jpps/2018.02.04

THE COMMEMORATION IN RUSSIA OF THE CENTENARY OF THE 1917 REVOLUTION(S): COMPARATIVE ANALYSIS OF RIVAL NARRATIVES

O.Yu. Malinova[1, 2]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[2]*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

MALINOVA Olga Yur'evna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, National Research University Higher School of Economics; Principal Researcher, Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. Email: omalinova@gmail.com

Malinova O.Yu. The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Comparative Analysis of Rival Narratives. – Polis. Political Studies. 2018. No. 2. P. 37-56. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04

Acknowledgments. The study was supported by the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017-2018 under grant No. 17-01-0034 and by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

Received: 04.09.2017. Accepted: 27.12.2017

Abstract. The article presents the results of the study of public commemoration of the centenary of the February and October revolutions in Russia as the episode of politics of memory. It compares historical narratives of the key mnemonic actors – the ruling elite, the Communists, the Russian Orthodox Church, the "Conservatives", the Liberals etc. The analysis is based on the recent texts of politicians and public intellectuals from these groups. The historical narratives are compared by five criteria: 1) the main idea (that usually follows from the mission / political program / identity); 2) the plot (that is usually focused on the story about tragedy and trauma that Russia experienced in the 20th century); 3) the events that come as causally linked elements of the narrative; 4) the main actors; 5) the lessons that should be leant. It is concluded that actually the commemoration of the centenary of the revolution(s) took part in the context of a fragmented memory regime. However, the discrepancy of competing interpretations have not brought an open public conflict because the mnemonic warriors either experienced a lack of resources for more active propaganda, or partly shared the attitudes of the ruling elite. As a result, by avoiding the official commemoration the latter escaped direct public discussions, and could turn the commemorative process to the "peaceful" path.

Keywords: centenary of the 1917 Revolution in Russia; commemoration; the infrastructure of collective memory; mnemonic actors; memory politics; politics of memory; historical narrative.

References

Bottici Ch., Challand B. Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy. – *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. No. 3. P. 315-336. https://doi.org/10.1177/1368431006065715

Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy. – *Contemporary Security Policy*. 2014. Vol. 35. No. 3. P. 356-379. https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888

Etkind A. *Krivoe gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Crooked Grief: The Memory of the Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. 328 p. (In Russ.)

Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 1994. 214 p.

Malinova O.Yu. The Uncomfortable Centenary. The Results of Reconsideration of the "Founding Myth" of the USSR in the Official Historical Narrative of Russian Federation. – *Political Science (RU)*. 2017. No. 3. P. 13-39. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis. – *Politeia*. 2017. No. 4 (87). P. 6-22. (In Russ.). URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87).pdf (accessed 30.01.2018).

Malinova O.Yu. The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Analysis of Strategies of the Key Mnemonic Actors. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 9-25. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02

Miller A.I. The Role of Expert Communities in the Russian Memory Politics. – *Politeia*. 2013. No. 4 (71). P. 114-126. (In Russ.)

Miller A.I. The Memory Politics: The Year of Destroyed Hopes. – *Politeia*. 2014. No. 4 (75). P. 49-57. (In Russ.)

Mitrokhin N., Nuritova A., Kishkovsky S. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations. – *Social Research*. 2009. Vol. 76. No. 1. P. 289-320.

Papkova I. *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press. 2011. 265 p.

Torbakov I. The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia. – *Demokratizatsiya*. 2014. Vol. 22. No. 1. P. 145-170.

Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press. 2014. 384 p.